

ОБРАЗ ЖИЗНИ

ВЕРНИСАЖ

Темпоральная оптика Николая Касаткина

В Музее современного искусства PERMM открылась персональная выставка неофициального советского художника

Юлия Баталина

Открывая большую — на все три этажа — выставку Николая Касаткина, музей PERMM сильно рисковал. Рискнул не так, как обычно: не раз и не два за время существования музея его пытались обвинить в «оскорблении чувств» и чуть ли не в растлении из-за острых, провокативных, бескомпромиссных высказываний современных художников, а здесь — риск прямо противоположный. Очень может быть, что махровые охранители, пламенные поклонники традиционного пейзажа, увидев работы Касаткина, скажут: «Ну вот! Наконец-то красивая выставка! Ведь могут же, если очень захотят!», да ещё и поинтересуются, сколько стоит пейзаж с берёзками и радугой, чтобы в офисе на стенку повесить. Очень непросто поверить, что в советское время (художник активно работает с конца 1950-х годов) Касаткин был практически под запретом как «безыдейный формалист».

Что опасного нашли в его работах советские чиновники и чем он привлекателен для ценителей contemporary art, становится понятно, когда знакомишься не с одной, не с двумя, а с сериями работ Касаткина. Его своеобразие раскрывается при взгляде на несколько работ и их сопоставлении. Таков его метод: художник на протяжении всей жизни создаёт один длинный рассказ, одно мощное, философское и эпическое высказывание, каждый новый фрагмент которого заставляет по-иному взглянуть на предыдущие. Обычно такой подход характерен для больших романов или литературных циклов, вроде «Улисса» или «В поисках утраченного времени». Тут — то же самое, но в живописи.

В сериях картин, в тематических подборках за несколько лет и даже десятилетий Касаткин раскрывается как художник глубоко концептуальный. Для его понимания нужна особая, темпоральная оптика, ведь время — одно из основополагающих понятий в его живописи. Касаткин рисует ушедшую реальность. А может, и не бывшую никогда? Может, это не реальность прошлого, а реальность воображения, сна, зыбкой, неверной памяти? Как правило, его картины безлюдны, но если и появляются на них персонажи, то это тени, фотографии, портреты людей, растворяющиеся в пейзажах; отражения в стёклах, в лужах воды. Вот картина «Сон Вероники»: Вероника — дочь художника, он рисовал этот портрет, когда ей было около 40, а на картине она пятилетняя. Это портрет, но он же и сон.

Вот картина «Начало»: на фоне большого пейзажа с тщательно, до прожигания на листиках прописанным передним планом мы видим спину мальчика, который готовится уйти в это пространство.

Может быть, это сам художник в начале пути? А если посетитель музея обернётся, он увидит... Тот же сюжет, но написанный несколько десятилетий назад. Можно оценить, какой путь прошёл художник за это время, но при этом он всё ещё в начале некоего путешествия. Учитывая, что Николай Касаткин — человек очень пожилой, можно предположить, что дороги, лежащие перед ним годы назад и сейчас, — это принципиально разные путешествия, но человек остался прежним собой — тем же самым мальчиком.

Здесь важно сказать о конструкции экспозиции. Решение куратора Арсения Сергеева представитель Касаткина — галерист Сергей Попов — называет гениальным. Для воплощения этого решения понадобились услуги архитектора, которым стала Евгения Михе-

Для понимания творчества Касаткина нужна особая, темпоральная оптика, ведь время — одно из основополагающих понятий в его живописи

ева. Пространство музея разделено стенками, установленными в разных плоскостях. В стенах прорезаны сквозные ниши таким образом, чтобы направлять взгляд зрителя. Зритель при этом видит не одну, а две или три картины одну за другой, не зря экспозиция названа «Двойная перспектива».

Вот небольшой, абсолютно реалистический пейзаж 1959 года — а через нишу в стенке мы снова видим его, только уже в качестве объекта другой картины, где этот пейзаж висит на облупленной штукатурке старой стены. Пять десятилетий, прошедших между двумя картинами, принесли новые смыслы в старую работу.

ФОТО НИКИТА КАМЕНСКИХ

«Каникулы». Нужно смотреть на три картины одновременно, и не рядом, а в перспективе

Конструкция выставки как бы настраивает зрительскую оптику. Оптика — вообще очень важное слово для понимания творчества Касаткина. Создавая свои многослойные картины, где иллюзорное пространство накладывается на реальность и перемешивается с ней, художник даёт зрителю ключи-подсказки: оконные и дверные рамы, отражения, фотографии — всё это указывает, где нужно искать скрытые смыслы.

Конструкция выставки как бы настраивает зрительскую оптику. Оптика — вообще очень важное слово для понимания творчества Касаткина. Создавая свои многослойные картины, где иллюзорное пространство накладывается на реальность и перемешивается с ней, художник даёт зрителю ключи-подсказки: оконные и дверные рамы, отражения, фотографии — всё это указывает, где нужно искать скрытые смыслы.

Из этого же ряда — серия картин с руинами советской сельской цивилизации: ржавеющие остовы теплиц, железобетонные сваи недостроенных коровников, крапы запорной арматуры в чистом поле, и всё это заросло густой травой, столь удающейся Касаткину. Здесь каждый бетонный надолб — словно последний герой разбитого войска. И, конечно, знаменитые картины со слагбаумами и другими элементами дорожных заграждений, рождающие массу ассоциаций — литературных, философских, исторических.

Николай Касаткин, бережно и любовно относящийся к классическому пейзажу, в то же время активно деконструирует его, привнося в эту консервативную ткань отметины советского концептуализма, и в результате выводит классический жанр в пространство неведомого будущего.